

ПИСЬМА А. П. ЧЕХОВА

Подъ редакціей М. П. ЧЕХОВОЙ

Томъ V
(1897—1899)

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(1897—1899).

Всегда отзывчивый на каждое общественное явленіе, Антонъ Павловичъ принялъ участіе и во всеобщей народной переписки, происходившей въ 1897 году, въ январѣ. Онъ завѣдывалъ цѣлымъ переписнымъ участкомъ, ему были подвѣдомственны 16 счетчиковъ и, какъ онъ самъ выразился о себѣ въ перепискѣ съ друзьями,—среди нихъ онъ былъ кѣмъ-то вродѣ ротнаго командира или боцмана. Какъ разъ передъ самой переписью А. П. захворалъ инфлюэнцей, но это не помѣшало ему исполнить свой долгъ. Съ тяжелой мигренью, онъ переходилъ изъ избы въ избу, изъ селенія въ селеніе и затѣмъ долженъ былъ заниматься еще и сводкой переписного матеріала. Въ своей работѣ онъ былъ совершенно одинокъ. Земскіе начальники, на которыхъ тогда въ производствѣ переписи возлагались правительствомъ главныя надежды, оказались совершенно бездѣтельными, и большую часть всей работы пришлось исполнить частной инициативѣ.

Въ то же время А. П-ча не оставляли заботы и о народномъ образованіи. Онъ затѣялъ постройку школъ. Нужны были средства, ихъ не было,—и Антону П-чу приходилось ихъ изыскивать. Онъ собиралъ пожертвованія, устроилъ въ Серпуховѣ спектакль, но, конечно, главнымъ образомъ производилъ расходы изъ своего

кошелек. Первую школу онъ построилъ въ с. Талеежѣ, вторую—въ Новоселкахъ, третью—въ Мелиховѣ. Постройкой школы не ограничивалась его просвѣтительная дѣятельность: въ качествѣ члена училищнаго совѣта, онъ присутствовалъ на экзаменахъ въ другихъ земскихъ школахъ и производилъ экзамены самъ. Въ то же время онъ былъ занятъ заботами о таганрогской библіотекѣ, лѣчилъ мужиковъ, хлопоталъ о проведеніи шоссе и проч...

Въ февралѣ 1897 г. А. П. былъ поглощенъ постройкой школы въ Новоселкахъ. Онъ ѣздилъ туда чуть ли не каждый день, лично слѣдилъ за постройкой, лично покупалъ матеріалъ, и самая школа строилась по его плану. Школа вышла образцовой. Объ этомъ онъ самъ писалъ въ свое время Суворину, да и свѣдущіе люди должны были признать ее таковою. Освященіе этой школы происходило лѣтомъ. Были разосланы повѣстки мѣстнымъ дѣятелямъ, но на торжество открытія не явился никто. Долго ожидали кого-нибудь изъ представителей земства и, не дождавшись, приступили къ освященію. Мѣстный земскій начальникъ пріѣхалъ уже тогда, когда все было окончено. Мужики были довольны. Они поднесли А. П.-чу хлѣбъ-соль и образъ, и онъ сказалъ имъ отвѣтную рѣчь, не особенно складную (А. П. не умѣлъ говорить публично), но искреннюю и даже нѣжную. Въ томъ же февралѣ Антона Павловича захватилъ цѣликсмъ проектъ устройства въ Москвѣ Народнаго Дома. Тогда о народныхъ домахъ не было еще и помина, не было еще и винной монополіи. Простой народъ проводилъ свое время въ такъ называемыхъ «питейныхъ домахъ», въ полной власти у кабатчиковъ. Народный домъ въ Москвѣ предполагался на широкихъ началахъ: библіотеки, читальни, лекціи, музей, театр. Предполагалось выполнить все на акціонерныхъ нача-

лахъ, съ капиталомъ въ полъ-милліона рублей. По какимъ-то причинамъ, не зависѣвшимъ, впрочемъ, отъ самого А. П-ча, дѣло это такъ и осталось неосуществленнымъ. Всѣ эти заботы однако-же не отвлекали Ан. П-ча и отъ литературы. Въ этомъ же мѣсяцѣ онъ напечаталъ свою повѣсть «Мужики», на которую было обращено вниманіе всей русской интеллигенціи и которая была потомъ переведена на многіе иностранные языки.

Въ мартѣ А. П-чъ опасно заболѣлъ. Уже давно тревожилъ его кашель, кровохарканіе началось у него еще въ 1884 году, но онъ не обращалъ на это вниманія, а теперь это кровохарканіе развилось уже въ нѣчто угрожавшее. Ничего не предчувствуя и не подозрѣвая, Ан. П-чъ отправился изъ Мелихова въ Москву, гдѣ его ожидалъ А. С. Суворинъ. Едва только они сѣли въ «Эрмитажъ» за обѣдъ, какъ у Ан. П-ча хлынула изъ легкихъ кровь. Несмотря на принятые обычныя мѣры, истеченіе крови не прекращалось. Антона П-ча уложили въ постель, но не помогло и это, и пришлось везти его въ клинику проф. Остроумова, въ которой онъ и пролежалъ до 10 апрѣля. Когда А. П-ча помѣстили въ клинику, его сестра Марія Павловна находилась въ Мелиховѣ и ничего не знала. Приѣхавъ въ Москву, она, къ удивленію своему, встрѣтила на вокзалѣ поджидавшаго ее брата Ивана Павловича, который передалъ ей карточку для посѣщенія въ клиникѣ больного писателя. На карточкѣ было написано: «Пожалуйста, ничего не рассказывай матери и отцу». Сестра поѣхала въ клинику. Здѣсь, бросивъ случайно взглядъ на столикъ, она увидала на немъ схему легкихъ, при чемъ верхушка лѣваго легкаго была очерчена краснымъ карандашомъ. Она тотчасъ же догадалась, что у Антона П-ча была поражена именно эта часть. Это и видъ Ант. П-ча ее встревожили. Всегда

бодрый, веселый, жизнерадостный, Ант. П-чъ походилъ теперь на тяжело-больного; ему запрещено было двигаться, разговаривать, да онъ и самъ едва ли бы имѣлъ для этого достаточно силъ. Странно, что до этого времени, до этого припадка, Ант. П-чъ, будучи самъ врачомъ, даже и не подозрѣвалъ въ себѣ бугорчатнаго процесса. Когда его перевели изъ отдѣльной комнаты въ большую палату, то сестра застала его ходившимъ по ней взадъ и впередъ въ халатѣ и говорившимъ:— «Какъ это я могъ прозѣвать у себя притупленіе?»

Какъ бы то ни было, а теперь дѣло представлялось уже яснымъ. У Антона П-ча была официально констатирована бугорчатка легкихъ, и необходимо было теперь отъ нея спастись во что бы то ни стало и, несмотря ни на что, бѣжать отъ гнилой тогда, сѣверной весны. Онъ и самъ сознавалъ, что это было необходимо.

Выйдя изъ клиники, Ант. П-чъ возвратился въ Мелихово, а затѣмъ сталъ собираться за границу. Онъ поѣхалъ сперва въ Біаррицъ, но тамъ его встрѣтила дурная погода, которая такъ все время и продолжалась, и онъ не почувствовалъ себя удовлетвореннымъ. Свѣтская, расточительная жизнь была не въ его характерѣ и, несмотря на то, что ему очень понравились океанъ и жизнь на пляжѣ (въ особенности дѣтская), онъ вскорѣ же переѣхалъ въ Ниццу. Здѣсь онъ прочно и надолго поселился въ Pension Russe въ улицѣ Gounod. Жизнь его тамъ, повидимому, вполне удовлетворяла. Ему нравились тепло, культурность, общеніе съ такими людьми, какъ М. М. Ковалевскій, В. М. Соболевскій, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко и художникъ В. И. Якуби. Пріѣзжали туда и И. Н. Потапенко и кн. А. И. Сумбатовъ, съ которыми А. П. наѣзжалъ иногда въ Монте-Карло и поигрывалъ въ рулетку. Вотъ какъ описываетъ жизнь Антона П-ча на Ривьерѣ одинъ изъ

его знакомыхъ: «Съ А. П. я познакомился зимой въ 1898 г. въ Ниццѣ, гдѣ жилъ съ нимъ въ одномъ русскомъ пансіонѣ и ежедневно встрѣчался за общимъ столомъ. Тамъ же жили В. И. Немировичъ-Данченко и художникъ В. И. Якоби. Послѣ обѣда, а это бывало уже къ вечеру, между ними нерѣдко велась оживленная бесѣда на разныя темы... За обѣдомъ А. П. пилъ обыкновенно красное вино Барзакъ. Довольно часто онъ ѣздилъ на рулетку въ Монте-Карло, иногда запаздывая возвращаться къ обѣду, въ большинствѣ, кажется, выигрывалъ, игралъ не увлекаясь, довольствуясь незначительнымъ выигрышемъ.... Въ Ниццѣ я жилъ съ женою и дочерью, послѣдняя прихворнула, и А. П. ее лѣчилъ, относясь съ удивительнымъ вниманіемъ, и даже самъ ходилъ въ аптеку, чтобы показать аптекарю-французу, какъ приготовить лѣкарство». Заботливость о другихъ, желаніе войти въ интересы каждаго и посильно помочь не оставляли Ант. П-ча и за границей: онъ и въ Ниццѣ хлопочеть о русскихъ, выписываетъ туда изъ Москвы книги, и въ то же время зорко слѣдитъ за всѣмъ, что оставилъ въ Россіи: онъ беспокоится о журналѣ «Хирургія», который уже разъ спасъ отъ возможной гибели, дѣлаетъ распоряженія по Мелихову и проч.

Въ Ниццѣ Антонъ П-чъ прожилъ осень и зиму и въ февралѣ 1898 года засбирался въ Африку. Онъ хотѣлъ посѣтить Алжиръ и Тунисъ, но М. М. Ковалевскій, съ которымъ онъ хотѣлъ поѣхать туда, заболѣлъ,—и отъ путешествія пришлось отказаться. Подумывалъ А. П-чъ и о поѣздкѣ на Корсику, но и это ему не удалось. Къ тому же онъ перенесъ въ этомъ мѣсяцѣ въ Ниццѣ тяжелую болѣзнь. Зубной врачъ очень неискусно вырвалъ у него зубъ, заразилъ его щипцами и у А. П-ча приключился періоститъ въ тяжелой формѣ съ полной

тифозною кривой. По его словамъ—онъ «лѣзь отъ боли на стѣну».

Едва наступила весна 1898 г., какъ Ант. П-ча неудержимо потянуло въ Россію. Вынужденное бездѣлье утомило его, ему не доставало снѣга и русской деревни, и въ то же время его беспокоила мысль о томъ, что, несмотря на климатъ, на хорошее питаніе и на бездѣлье, онъ нисколько не прибавился въ вѣсѣ. «Повидимому, я никогда уже болѣе и не прибавлюсь», писалъ онъ Суворину.

Пока Антонъ П-чъ жилъ въ Ниццѣ,—Франція переживала тяжелые, безпокойные дни. Былъ осужденъ въ государственной измѣнѣ офицеръ Дрейфусъ—еврей по происхожденію, обнаружилось, что обвиненіе его было подстроено,—и общественное мнѣніе заволновалось. Несмотря на всѣ попытки правительства какъ-нибудь замаять свою ошибку и спрятать концы въ воду, дѣло выплыло наружу, и извѣстный романистъ Э. Золя взялъ на себя починъ по обвиненію правительства въ некорректности и выступилъ со своей статьей «J'accuse». Страсти разгорѣлись. Общественное мнѣніе всей Европы раздѣлилось на-двое: одни искренно и безкорыстно искали истины и вступались за невинно-осужденнаго еврея, другіе же, и въ томъ числѣ газета «Новое Время», требовали признанія приговора правильнымъ и не останавливались даже передъ тѣмъ, чтобы, въ угоду своимъ цѣлямъ, искажать телеграммы и придавать имъ особый смыслъ. Антонъ П-чъ, чуткій ко всему, принялся за изученіе дѣла Дрейфуса и Золя по стенограммамъ и, убѣдившись въ невинности и того, и другого, написалъ А. С. Суворину горячее письмо. Это и послужило къ охлажденію ихъ отношеній. Переписка, правда, продолжалась и далѣе, но это были уже не тѣ письма, что ранѣе, и касались уже

не общихъ вопросовъ, а какого-нибудь дѣла. Старикъ было, повидимому, жаль разрывать отношенія съ Ан. П-чемъ, Антону П-чу было его жаль, такъ какъ онъ умѣлъ и раньше отдѣлять А. С. Суворина отъ «Новаго Времени», но дѣло было сдѣлано, на сердцѣ у А. П-ча накупѣло,—и они разстались.

Мартъ 1898 г. Ант. П-чъ провель въ Парижѣ. Этотъ городъ ему очень понравился. Онъ вошелъ въ его жизнь, встрѣчался тамъ съ интересными людьми и заинтересовался французами. Но и здѣсь его не оставляли заботы о родинѣ. Онъ познакомился здѣсь съ знаменитымъ скульпторомъ М. А. Антокольскимъ и, благодаря только исключительно Антону П-чу, Таганрогъ имѣетъ прекрасный памятникъ Петру I въ Таганрогѣ. Изъ Парижа Ант. П-чъ отправилъ въ Таганрогскую библіотеку 319 томовъ французскихъ авторовъ.—«Это мнѣ влѣзло», писалъ онъ потомъ, намекая на дороговизну этого приобрѣтенія. Кромѣ того, благодаря Ант. П-чу, Таганрогскій музей обогатился цѣнной скульптурой Антокольскаго «Послѣдній вздохъ».

Запоздавшая въ Россіи весна задержала Ант. П-ча въ Парижѣ до мая. Только въ этомъ мѣсяцѣ онъ вернулся къ себѣ въ Мелихово. Онъ показался встрѣтившимъ его домашнимъ все такимъ же, какимъ былъ и годъ тому назадъ. Съ его пріѣздомъ Мелихово оживило. Опять стали пріѣзжать гости, опять его гостепріимству не было границъ, но онъ уже не шутилъ, какъ бывало, былъ задумчивъ и, вѣроятно, благодаря своей болѣзни, сталъ мало разговаривать. Какъ и прежде, онъ ухаживалъ за розами, обрѣзалъ кусты. Въ это время затѣвалась постройка Мелиховской школы.

Такъ прошло время до сентября. Послѣ сравнительно благопріятнаго лѣта начались спозаранку дожди, запахло осенью, и 14 сентября Антонъ П-чъ отбылъ въ

Ялту. Ему предстоялъ выборъ между Ниццей и Ялтой, но ѣхать за границу ему не хотѣлось и онъ предпочелъ Ялту, разсчитывая, что, быть можетъ, зимою онъ улучшить время и съѣздитъ ненадолго въ Москву, гдѣ должны были идти его пьесы въ Художественномъ театрѣ. Его выборъ его не обманулъ. Осень и зима въ Ялтѣ оказались превосходными и онъ чувствовалъ себя тамъ отлично. Но необходимость постоянно убѣгать отъ холодовъ и теперь уже убѣжденіе въ томъ, что легочный процессъ у него не кончился, а, быть можетъ только входить въ силу, заставили его задуматься надъ будущимъ. Онъ рѣшилъ поселиться въ Ялтѣ. Сначала въ его планы входило пребываніе въ Ялтѣ только въ осенніе и зимніе мѣсяцы, лѣто же онъ разсчитывалъ по-прежнему проводить въ Мелиховѣ, но сама жизнь сложилась такъ, что пришлось ликвидировать имѣніе и навсегда переѣхать въ Крымъ.

Антонъ II-чъ приобрѣлъ себѣ участокъ земли въ Ауткѣ и въ ту же осень приступилъ къ постройкѣ. Предполагалось израсходовать всего только 10 тысячъ, большую часть которыхъ взять изъ кредитнаго учрежденія подъ залогъ самой постройки, но пока домъ строился, появились деньги изъ другихъ источниковъ и на заглохшемъ пустырьѣ въ Ауткѣ была выстроена прекрасная дача, стоящая нынѣ свыше 60 тысячъ рублей, въ которой каждый камень, каждое деревцо говорятъ о созидательномъ талантѣ писателя. Антонъ II-чъ проводилъ на постройкѣ цѣлыя дни. Свозили камень, известку, турки и татары копали землю и закладывали фундаментъ, а онъ съ педантизмомъ хирурга сажалъ на участкѣ деревца и съ отеческой заботливостью слѣдилъ за каждымъ новымъ побѣгомъ.

Въ ту же осень Ант. II-чъ приобрѣлъ себѣ маленькое имѣніице Кучукой. Оно находилось въ 35 верстахъ отъ Ялты и привлекло его своею дикостью и первобытной

красотой. Чтобы пробраться въ него, нужно было ѣхать по головокружительной дорогѣ, но это Ант. П-ча не стѣсняло. У него кружилась голова, захватывало дыханіе, но самое имѣніе казалось ему прекраснымъ настолько, что онъ сталъ мечтать, строилъ планы. Возможное будущее стало теперь слагаться для него иначе, и онъ уже подумывалъ о томъ, чтобы переселиться туда изъ Мелихова, обзавестись хозяйствомъ и жить тамъ, какъ въ деревнѣ. Ему хотѣлось, чтобы тамъ были куры, коровы, лошади и ослы и, конечно, это было бы вполне возможно и осуществилось бы, еслибы болѣзнь упорно и незамѣтно не дѣлала своего. Обстоятельства сложились такъ, что мечты такъ и остались мечтами, и Кучукой стоитъ необитаемымъ и до сихъ поръ.

Въ январѣ 1899 года у Ант. П-ча начались переговоры съ Марксомъ о продажѣ произведеній писателя на вѣчныя времена. Переговоры эти закончились тѣмъ, что къ Марксу перешло все право изданія сочиненій Антона П-ча за 75 тыс. руб. и право на будущія произведенія по особому тарифу. Къ сожалѣнію, уплата этихъ 75 тысячъ была разсрочена на три срока и Ант. П-чъ не почувствовалъ себя богатымъ. Строился ялтинскій домъ, были долги, и отъ первой полочки скоро не осталось ничего. До слѣдующей полочки пришлось доставать денегъ чуть ли не подъ вексель, и Ант. П-чу стало казаться, что надъ нимъ выросла большая фабричная труба, въ которую должно было вылетѣть все его благосостояніе.

Зима 1899 г. была въ Крыму чрезвычайно суровая. Холоды, снѣгъ, морскія бури и полное отсутствіе близкихъ по духу людей утомили Ант. П-ча. Онъ сталъ тосковать. Его неудержимо потянуло на сѣверъ, и стало казаться, что еслибы онъ переѣхалъ на зиму въ Россію, въ Москву, гдѣ съ такимъ успѣхомъ шли въ Художественномъ театрѣ его пьесы и гдѣ все для

него было такъ полно интереса, то для его здоровья это было бы не хуже, чѣмъ въ Ялтѣ,—и вотъ онъ затѣялъ покупку въ Москвѣ своего собственнаго дома. Ему хотѣлось приобрести что-нибудь маленькое, уютное, въ районѣ Курскаго вокзала, гдѣ можно было бы провести три зимніе мѣсяца въ возможныхъ удобствахъ и въ теплѣ; поиски такого дома уже близки были къ осуществленію, но настроеніе писателя скоро перемѣнилось, и пришлось примириться съ жизнью въ Ялтѣ. А эта жизнь уже и съ своей стороны стала предъявлять на него свои права: какъ мѣстный житель, онъ былъ избранъ въ члены попечительнаго совѣта при ялтинской женской гимназіи, и когда въ томъ же январѣ стали готовиться къ Пушкинскимъ торжествамъ, то онъ принялъ дѣятельное участіе въ ихъ организаціи и поставилъ сцену изъ «Бориса Годунова», въ которой академикъ Н. П. Кондаковъ исполнялъ роль старца Пимена. Конецъ января и февраль были особенно тяжелы для писателя: у него разстроился кишечникъ, и это положительно отравляло ему жизнь. При этомъ ему приходилось выносить и много душевныхъ волненій: со всей Россіи къ нему стали обращаться чахоточные больные съ просьбами устроить ихъ въ Ялтѣ. Почти всегда эти больные были бѣдны и, приѣзжая въ Ялту, доканчивали свою жизнь въ невозможныхъ условіяхъ и въ тоскѣ по родинѣ. Антонъ П-чъ хлопоталъ за всѣхъ, печаталъ воззванія въ газетахъ, собиралъ деньги и посильно облегчалъ ихъ положеніе.

Послѣ неблагоприятной крымской зимы настала очаровательная, теплая весна. Но Антонъ П-ча уже неудержимо тянуло на сѣверъ. Онъ только ожидалъ извѣстій о погодѣ и, наконецъ, 12 апрѣля прибылъ въ Москву и затѣмъ, въ маѣ—въ Мелихово. И точно пережитого времени не существовало вовсе. Опять начались хлопоты по созиданію, была достроена мелиховская

ликола, но самая усадьба въ Мелиховѣ уже потеряла свой интересъ. Еще осенью, въ октябрѣ, умеръ отецъ писателя, Павелъ Егоровичъ. Онъ умеръ, и Антону П-чу показалось, что вмѣстѣ съ дневникомъ, который, изо дня въ день, велъ старикъ, порвалась и жизнь въ усадьбѣ. Стало грустно, тоскливо; къ тому же и сознаніе, что все равно осенью надо уѣзжать въ Крымъ, расхолаживало писателя и въ его душѣ медленно, но настойчиво стала созрѣвать мысль о необходимости продать Мелихово и уже навсегда переселиться въ Крымъ.

Въ іюнѣ 1899 г. Антонъ П-чъ побывалъ по дѣлу въ Петербургѣ, но его испугали нагрянувшіе холода, и онъ провелъ тамъ всего только одинъ день. А между тѣмъ постройка ялтинскаго дома шла, какъ говорится, во всю и требовала его присутствія. Начались публикации въ газетахъ о продажѣ Мелихова, а затѣмъ Антонъ П-чъ съѣздилъ черезъ Таганрогъ и Новороссійскъ въ Ялту на мѣсяцъ и въ августѣ снова вернулся въ Москву.

29 августа Антонъ П-чъ поселился на своей собственной дачѣ въ Ялтѣ, а затѣмъ было продано Мелихово, и къ нему переселились туда мать и сестра.

Такъ въ жизни Антона П-ча случился новый переломъ—уже послѣдній въ его жизни, лишившій его любимаго сѣвера навсегда.

Мих. Чеховъ.
